

РЕЛИГИОЗНО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ РАССКАЗА «ТРОЕ» Ю. МАМЛЕЕВА

Оксана Олеговна Ошмарина

аспирант кафедры литературы
Астраханского государственного университета
имени В. Н. Татищева
414056, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
o.oksana.osh@mail.ru

Для цитирования: *Ошмарина О. О. Религиозно-философский аспект рассказа «Трое» Ю. Мамлеева // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2023. № 2 (9). С. 75–80. DOI: 10.31802/WI.2023.9.2.006*

Аннотация

УДК 82–091 (82–32)

Прозу Ю. Мамлеева неоднократно рассматривали литературоведы в контексте православной аксиологии (М. Жорникова, Н. Кононова, Р. Семькина и др.). Вместе с тем творчество писателя формировалось под влиянием философии экзистенциализма. В основе сюжета рассказа «Трое» лежит пограничная ситуация. Автор использует принцип композиционного параллелизма, сопрягая сюжетные линии, формально никак не связанные друг с другом. Основанием для подобного соположения становится осмысление проблемы жизни и смерти. Ю. Мамлеев обращается к образу зооморфного двойника главного героя. Писатель конструирует художественную модель пространства, основанную на триаде бытие/небытие/инобытие, значимым компонентом которой является междумирье. Автор трансформирует традиционную христианскую картину мира: помимо земного существования, ада и рая существует нечто большее, невыразимое человеческим языком. Смерть становится началом другого пути.

Ключевые слова: Ю. Мамлеев, художественный мир, бытие, религиозность, «междумирье», философский аспект, «Трое».

Religious and Philosophical Aspect of the Story «Three» by Y. Mamleev

Oksana O. Oshmarina

PhD student at the Department of Literature
at the Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev
20a Tatishcheva Street, Astrakhan 414056, Russia
o.oksana.o@mail.ru

For citation: Oshmarina, Oksana O. "Religious and Philosophical Aspect of the Story 'Three' by Y. Mamleev". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (9), 2023, pp. 75–80 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2023.9.2.006

Abstract. Y. Mamleev's prose has been repeatedly considered by literary critics in the context of Orthodox axiology (M. Zhornikova, N. Kononova, R. Semykina, and others). At the same time, the writer's work was formed under the influence of the philosophy of existentialism. The plot of the story "Three" is based on a borderline situation. The author uses the principle of compositional parallelism, conjugating plot lines that are formally unrelated to each other. The basis for such a comparison is the understanding of the problem of life and death. Yu. Mamleev refers to the image of the zoomorphic double of the protagonist. The writer constructs an artistic model of space based on the triad of being/non-being/other being, the significant component of which is the interworld. The author transforms the traditional Christian picture of the world: in addition to earthly existence, hell and heaven, there is something more, inexpressible in human language. Death becomes the beginning of another path.

Keywords: Y. Mamleev, artistic world, existence, religiosity, «interworld», philosophical aspect, «Three».

О смысле метафизического дискурса в ранних рассказах Ю. Мамлеева обнаруживает тесное взаимодействие философского опыта писателя с его художественным творчеством. В основе своеобразной «метафизической реальности» его рассказов находится глубокая философско-религиозная мысль, обращённая к вечным вопросам бытия и к познанию человека.

В художественном мире рассказа «Трое» герой с говорящей фамилией неоднократно оказывается в пограничной ситуации между жизнью и смертью: «Родимов Коля решил, что он умер, родился второй раз, но уже где-нибудь на иной, более пакостной планете»¹. С помощью остранения писатель показывает в каком положении оказывается персонаж: «Это конец, <...>, — или начало новому сумасшествию, но уже после смерти...Что происходит со мной?.. И почему такой грохот сверху? И сбоку что-то двигается, накаляется...»². Благодаря внутренней фокализации мир изображается как ирреальный: «Поехало небо, а может быть, и Земля, но только в другую сторону»³. Для художественного исследования подсознательных импульсов героя Ю. Мамлеев использует акториальное повествование от первого лица: «...Да, конечно, я умер и попал в ад... Господи Боже, за что?»⁴. Далее переходит к повествованию от третьего: «Родимов одиноко лежал между рельсами, а несколько секунд назад над ним пронёсся гигантский товарный состав»⁵.

Попытки проникнуть в человеческое подсознание определяют интерес автора к разного рода пограничным состояниям. В данном случае алкогольное опьянение, являющееся одной из форм трансгрессии, становится проводником в междумирье: «Среди этой равнины, между рельсов, и вокруг ни одного домика», «...только просторы кругом и просторы, и нет им конца»⁶. Герой находится в идиллическом пространстве, где «валяется в траве», «то засыпает, то нюхает цветы», сравнивается с героем Трои, сражающимся с богами. Далее в тексте появляется inferнальный персонаж — человек, похожий на белое облако. Данное сравнение указывает на его эфемерность. Примечательная деталь — его исчезающего уха: «действительно, было два, но потом одно исчезло»⁷

1 Мамлеев Ю. В. Трое // Мамлеев Ю. В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М., 2018. С. 426.

2 Там же. С. 426.

3 Там же. С. 426.

4 Там же. С. 426.

5 Там же. С. 427.

6 Там же. С. 427.

7 Там же. С. 428.

и снова появилось. Происходит деформация телесности, что указывает и на деформацию мира, в котором находится главный герой. Перемещение в этом пространстве дискретно: сидел на траве, после «услышал бульканье. Отпил. И вскоре видит: идёт по дороге»⁸.

Появляется образ тени, который можно трактовать двумя способами: тень как показатель ирреальности происходящего или же как галлюцинация пьяного человека, приравнивающаяся к объективной реальности: «С ним одна только его тень»⁹ идёт, с которой он ведёт диалог. Она же и спасает его от смерти, предупредив о мчавшемся грузовике в его сторону. Именно в этот момент происходит переход из «междумирья» в мир реальный. Герой снова находится в пограничной ситуации между жизнью и смертью. Обигрывается мотив спасения. Также доказательством того, что Родимов был где-то вне привычной реальности является отсылка к лунарному мифу: «— Батюшки, а я в Москве! — А ты думал, паразит, на луне?»¹⁰, его портретное описание: «глаз как бы нет», «заросли чем-то», «одна штанина словно собаки разорвали, зато вторая-то — глаженная», «нос его будто сливался с губами, волосы в одном месте стояли дыбом»¹¹. Даётся нереалистичный двойственный образ героя, подчёркивающий, что с ним произошли какие-то метаморфозы, которые у Ю. Мамлеева связаны с неким иным измерением. Автор также уподобляет его животному: «издав звериный звук», «встал на четвереньки», «услышал у себя внутри вой собаки»¹². Сам Родимов подчёркивает в диалоге с буфетчицей: «Не забудь, что я человек»¹³.

Его тяготит мысль о конечности собственного существования: «не хорошо так, когда смертен», «что-то не то в этом мире»¹⁴, поэтому его тянет обратно в «междумирье». Но тем не менее оказывается он у себя дома, в комнате по соседству с преподавателем эстетики — Кургановым Валентином Юрьевичем.

Далее Ю. Мамлеев использует параллелизм сюжетных линий: «Между тем в соседней комнате происходило нечто из совсем другой сферы: кот умирал...»¹⁵. Описание комнат строится на антитезе: у Родимова — хаос и грязь, как в его сознании, у Курганова же — чисто и аккуратно.

8 Там же. С. 428.

9 Там же. С. 428.

10 Там же. С. 428–429.

11 Там же. С. 429.

12 Там же. С. 427.

13 Там же. С. 428.

14 Там же. С. 429.

15 Там же. С. 430.

Данный порядок обусловлен эзотерическим знанием (шкафы с книгами на многих языках, в том числе и на санскрите). Кличка животного говорящая — Кружок, подчёркивающая цикличность бытия. Примечательно, что кот, становясь ближе к смерти, превращается постепенно в тень: «...и в глазах его был уже мрак»¹⁶.

Диалог Курганова с котом носит экзистенциальный характер: «Ты боишься смерти?», «во мне нет тишины», «я не знаю кто я, зачем я сюда пришёл», «люблю жизнь и ненавижу её»¹⁷. У Валентина Юрьевича традиционное представление о мире, он устроен вертикально: «я хотел идти по лестнице вверх, к Богу, но я сломлен». У Родимова же мир полярен: либо сразу ад, либо рай. Курганов стремится понять причину того, что помешало ему приблизиться к Богу: то ли все дело в плоти, то ли проблема в самом мире или же в каком-то изъяне в его душе. Далее идёт отрицание рассудочной мудрости, так как книги не помогли найти ответы на все его вопросы.

Кружок в ответ смотрел «с каким-то внутренним согласием, что всё идёт как нужно»¹⁸, что смерть хоть и мучительна, но необходима. Автор даёт понять, что инстинктивно животное понимает смерть больше, чем человек. Также Ю. Мамлеев оставляет надежду на то, что тонко чувствующие и наделенные интуицией сумеют приблизиться к тайнам мироздания. И несмотря на то, что Родимов отчаянно к этому стремится, возвращается снова в поле: «совсем ясный и трезвый, но уже другой»¹⁹ после того, как стал свидетелем смерти кота, он не смог пересечь эту границу. Он снова оказывается в «междумирье», в бесконечном пространстве, где голубые леса и бездонное небо.

Ключом к понимаю жизни является фраза Курганова: «Что это, сон, галлюцинации?»²⁰ И он приходит к заключению, что единственно истинное знание о мире — смерть. Она «только одна не бред»²¹. Человек может не знать ничего о происходящем, о мире, но единственное, что он знает наверняка — это то, что его существование конечно. Если Родимов устремлён к бреду, т. е. к рождению, то Валентин Юрьевич проявляет интерес к смерти. Он искренне пытается понять, что испытывает животное в последние мгновения жизни. И стремится к тому, чтобы понять, что с ним будет после.

16 Там же. С. 431.

17 Там же. С. 431.

18 Там же. С. 431.

19 Там же. С. 432.

20 Там же. С. 432.

21 Там же. С. 432.

В заключении рассказа Ю. Мамлеев показывает мир после смерти, находящийся вне вселенной, в которой существуют люди: «после того как тот мир, в котором мы живём, исчез <...> прошёл невыразимый поток космического времени, тот кто был “Валентином Юрьевичем”, и тот, кто был “Кружком” встретились снова — “там”»²², превратившись в нечто, неподвластное человеческому понимаю. Инобытие — невыразимо и непознаваемо. Это что-то надчеловеческое. Все представления о другой реальности разрушаются о подлинное знание, которое стало доступно главным героям. Они смеялись, вспоминая далёкую картину: «Валентин Юрьевич, комната, книги и умирающий котик»²³, и осознавая, насколько на тот момент были далеки от истины. Автор показывает, что рассудочное понимание о жизни после смерти несостоятельно.

Литература

- Мамлеев Ю. В. Трое // Мамлеев Ю. В. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. М.: Эксмо, 2018. С. 426–433.
- Семыкина Р. С. «Кто есть я?»: метафизическая антропология Юрия Мамлеева // Октябрь. 2007. № 3. С. 175–181.
- Флоренский П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. М.: Прогресс, 1993.
- Якунина О. В. Визуальная эстетика Ю. Мамлеева [Текст]. Итоговая науч. конф. Астрахан. гос. пед. ун-та (22 апреля 1999 г.): тез. докл. Русский язык. Литература / гл. ред. Г. Г. Глинин. Астрахань: Изд. Астрахан. гос. пед. ун-та, 1999.
- Якунина О. В. Литература и философия: две системы координат в малой прозе Ю. Мамлеева [Текст]. Картина мира в художественном произведении: материалы Междунар. науч. интернет-конф. (20–30 апреля 2008 г.) / сост.: Г. Г. Исаев, Е. Е. Завьялова, Т. Ю. Громова. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2008. С. 115–123.

22 Там же. С. 433.

23 Там же. С. 433.